

Одно из главных качеств всякого творца – готовность неустанно воспринимать окружающее, способность удивляться. Этим качеством, как никто другой, обладал М. Мусаев: прежде чем приступить к написанию того или иного своего произведения, он с завидным терпением и интересом присматривался к людям, по крупицам собирал материалы, которые бы раскрывали характерные черты современников и времени.

Умение ощущать время было характерной чертой всей жизни М. Мусаева.

Список литературы

1. Индербаев Г. В. Отражение времени. Сборник литературно-критических статей. – Грозный, 2007. – С. 322–326.
2. Кусаев А. Писатели Чечни. Библиографические очерки. – Грозный, 2005. – С. 142–146.
3. Айдаев Ю. Зеркало жизни. Сборник литературно-критических статей. Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987. – С. 139–140.
4. Буров Б. Русская советская драматургия. 1960–1970-е годы. – Москва, Высшая школа, 1981.

References

1. Inderbaev G.V. Otrajenie vremeni. Sbornik literaturno-kriticheskikh statei. Groznii, 2007. 322-326 p.
2. Kusaev A. Pisateli Chechni. Bibliograficheskie ocherki. Groznii, 2005. pp. 142–146.
3. Aidaev Yu. Zerkalo jizni. Sbornik literaturno-kriticheskikh statei. Checheno-Ingushskoe knijnoe izdatelstvo, 1987. pp. 139-149.
4. Burov B. Russkaya sovetskaya dramaturgiya. 1960–1970-e godi. Moskva, Visshaya shkola, 1981.

ЧЕРТЫ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ СТИЛЕЙ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ РОССИЙСКИХ И ИРАНСКИХ АВТОРОВ

Мотамедния Масуме, кандидат филологических наук, Мазандеранский университет, Исламская Республика Иран, провинция Мазандаран, г. Баболсар, e-mail: m.motamednia@umz.ac.ir.

В данной статье мы приводим пересказ и литературный анализ произведений одного иранского автора, хорошо знакомого с творчеством Толстого и Чехова. Мы пытаемся показать черты сходства и различия стилей произведений и мировоззренческие концепции российских и иранских авторов. В работе мы не ставим своей целью поиск прямых реминисценций в творчестве иранских писателей из творчества российских. Мы пытаемся очертить круг вопросов, интересующих русских классиков и иранских писателей и сопоставить предлагаемые ответы. Работа состоит из основной части и приложения. В основной части приведен подробный пересказ, анализ произведений современной иранской литературы и дан сопоставительный анализ этих произведений с произведениями Толстого и Чехова. В приложении содержатся оригиналы рассказов иранского автора.

Ключевые слова: иранский автор, Толстой, Чехов, мировоззренческие концепции, российские и иранские авторы

SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF STYLE AND PHILOSOPHICAL CONCEPTS OF RUSSIAN AND IRANIAN WRITERS

Motamednia M., Candidate of Philological Sciences, Mazandaran university, Islamic Republic of Iran, Mazandaran, Babolsar, Pasdaran St., e-mail: m.motamednia@umz.ac.ir.

This article is dedicated to literary analysis of the works of one of Iranian writers who is completely acquainted with the works of Tolstoy and Chekov. This article also tries to demonstrate the similarities and differences between the style and the philosophical concepts of Russian and Iranian writers. The aim of this work is not the search for direct signs of differences between Iranian and Russian writers.

This article try to bring up the proposed that is interesting for Russian and Iranian classic writers and compares their replies. The article consists of main and minor annexes. The main part efforts to restate and Analyze of Iranian contemporary literary works and Comparative analysis of the Tolstoy and Chekhov's works. In the annexes part the original translated Persian written stories have been added.

Keywords: Iranian writer, Tolstoy, Chekov, philosophical concept, Iranian and Russian authors

Россия и Иран – две страны, вклад которых в развитие мировой литературы невозможно переоценить. Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чехов, Фердо-си, Хайам, Хафез, Саади и другие иранские современные писатели как Джалаль-аль-Ахмада, Садег Хедаят, Садег Чубак т.д не только внесли величайший вклад в сокровищницу мировой литературы, но и оказали огромное влияние на ее развитие, как в своих странах, так и за их пределами.

О взаимопроникновении и взаимовлиянии культур, важнейшей частью которых является литература, сказано довольно много. Известно, что каждый народ обладает собственным только ему присущим образом мышления, особенностями восприятия, культурными традициями, тем, что в целом называется менталитетом народа. Причины различий, как нам кажется, можно найти в особенностях исторического развития, в различиях религиозных традиций и даже в различиях климатических условий, влияющих на образ жизни и, следовательно, на образ мышления. Литературная мысль является не только отображением менталитета народа, но и важнейшим фактором, формирующим этот менталитет.

В этой работе мы рассмотрим сходства и различия мировоззренческих концепций, стилистических особенностей произведений, характеристик персонажей, отношений между людьми в произведениях Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и в произведениях иранского автора, чье творчество так или иначе связано с творчеством вышеуказанных российских писателей: Джалаль-аль-Ахмада. Мы предполагаем рассмотреть особенности стиля произведений этого автора, особенности сюжета, философскую концепцию автора, роль судьбы в жизни человека, отношения между героями и роли места человека в жизни. Ниже мы приводим пересказ сюжета рассказа Джалаль-аль-Ахмада «Китайская ваза»[1, пересказ рассказа] (Перевод полного текста на русском языке дан в приложении №1).

«Аккуратно одетый человек садится в автобус, на нем новое пальто, новы ботинки, новая шляпа. На руке, в которой он держит антикварную китайскую вазу, кожаная перчатка. Он со всеми видимыми предосторожностями проходит в автобус, садится, бережно держа вазу двумя руками. Сидящий рядом с ним человек неряшливо одет, пуговицы его старого пиджака оторваны, рукава его старой рубашки разлохмачены, его движения резки. Описание остальных пассажиров сводится, в основном, к мимолётным штрихам: две женщины в темных накидках, разговаривающие между

собой, юноши, смотрящие в окно, словно бы подчёркивает невнимание пассажиров к вновь вошедшему. Лишь человек, сидящий рядом с коллекционером, проявляет удивительный интерес к вазе, которая описывается очень подробно. Сосед-коллекционер, по словам автора, похож был на человека, который впервые осознал, что на свете есть красота. Осмотрев вазу со всех сторон, не будучи удовлетворён, он просит коллекционера дать ему вазу для более подробного рассмотрения. Он обращается к хозяину вазы очень коротко, игнорируя общепринятую Фому вежливости. Коллекционер отвечает ему намного вежливее и отдаёт вазу. Автор подчёркивает, что соседу коллекционера нет дело до него самого, он целиком поглощён созерцанием китайской диковинки. Далее автор вновь принимается за описание вазы, характеризуя манеру, в которой попросивший вазу человек её рассматривает, как манеру дикаря, впервые увидевшего нечто удивительное. Интересно и описание поведения обеспокоенного хозяина вазы: он из всех сил пытается не показать беспокойство, прикладывает для этого все силы. Но беспокойство его все равно очевидно. Далее автор в нескольких предложениях описывает, как разбилась ваза выпав из рук своего обожателя. Когда возмущённый коллекционер пытается высказать недовольство своему соседу, тот грубо его обрывает и продолжает рассматривать осколки вазы, бормоча себе под нос: «Что можно сделать?» коллекционер в недоумении пытается заставить виновного в случившемся осознать его вину, но тому абсолютно нет до него дело, он лишь расстроен тем, что ваза разбилась. Тогда коллекционер решает обратиться в полицию и объясняет водителю автобуса, что тот должен подождать его и офицера полиции, которого он собирается привести из ближайшего участка. Водитель соглашается, но как только пострадавший отходит на несколько десятков шагов, автобус уезжает. Последнее, что описывает автор – это растерянный коллекционер, глядящий в компании нескольких полицейских на уходящий автобус и бессвязно бормочущий: «Китайская ваза... проклятый оборванец... не запомнил номер...»

Говоря об особенностях стиля повествования, отметим, что автор рисует нам персонажей как бы штрихами, которые, впрочем, ясно, однозначно и чётко определяют характер героев, их социальное положение. Сам рассказ на персидском языке уместается на 4 страницах, описание предмета, вокруг которого строится повествование, занимает в общей сложности почти страницу. Значительную часть занимает также ключевое событие, которое в жизни не заняло бы и одной секунды (автобус качнуло на повороте, ваза упала и разбилась). Описание китайской вазы столь подробно и великолепно, что способно вызвать чувство восхищения. Общая тональность рассказа носит комедийный характер. Попробуем определить, чем вызван эффект комичности. Два совершенно разных человека, коллекционер и его антипод встречаются в автобусе, есть нечто, что необыкновенно важно для них в этот момент их жизни: ваза; и вдруг злая шутка в отношении обоих: ваза разбилась. Один растерян, другой пытается отстаивать свои права, что сделать уже совершенно невозможно: с нищего взять нечего и разбитую вазу не вернёшь. А окружающим абсолютно все равно, им нет дела ни до вазы, ни до наших героев, им надо ехать дальше, и они едут... такова жизнь. Мы определённо можем сказать, что конфликт в данном произведении присутствует, но он лишь очерчен, автор предоставляет рассуждать, домысливать, судить читателю. Нам хотелось бы ещё раз вернуться к названным выше особенностям повествования. Почему автор уделяет так много места описанию случая? Нам кажется, что автор тем самым осознанно или интуитивно подчёркивает роль случая в жизни человека, демонстрирует, сколь тщетны и тем самым комичными могут быть наши усилия и сколь мало их значение в сравнении с капризами судьбы. Позволим себе предположить, что те же самые тенденции от-

ношения к вопросу о роли судьбы в жизни человека просматривается как у А.П. Чехова, так и у Л.Н. Толстого. Однако фатализм Толстого представляется наиболее главным, построенным на всеобщей взаимозависимости и закономерности всего происходящего. Чехов много пишет о неспособности людей изменить что-либо в своей жизни, о том, что течение жизни, неумолимая воля происходящего вокруг подавляют человека. В своих произведениях Чехов горько улыбается человеческой слабости [2, с.110]. Но действия человека или его бездействие все же оказывает влияние на судьбу, правда, чаще бездействие и отрицательное влияние. У иранских же писателей судьба распоряжается жизнью человека независимо от его действий и часто даже вопреки, словно назло или в насмешку. Отметим, что комический тон рассматриваемого нами произведения также близок по духу многим произведениям Чехова.

Ниже мы приводим другой пересказ Джалаль-аль-Ахмада. Рассказ называется «Сетар» (от «се» – три и «тар» струна) – персидский народный струнный щипковый музыкальный инструмент, принадлежащий к семейству лютней, на котором играют большим и указательным пальцами правой руки, прижимая лады пальцами левой руки, [6. Русская свободная энциклопедия] [3, Пересказ Рассказа), (Перевод полного текста на русском языке дан в приложении № 2).

В начале рассказа автор даёт нам описание человека, который с сетарой в руках сидит на ступенях большой мечети. Отметим, что описание это мало затрагивает внешность молодого человека. Описывается по большей части его ощущения. С самого начала рассказа в центр повествования помещается предмет-музыкальный инструмент. Он является мечтой, единственным орудием, единственным предметом любви и неотъемлемой частью жизни главного героя. О самом герое мы знаем лишь то, что необходимо знать для того, чтобы яснее представить себе значение сетары в его жизни. Мы знаем, что он беден, что у него нет никакого имущества, кроме сетары. Мы знаем, что он не закончил школу и не имеет никаких других занятий, кроме игры на музыкальном инструменте. Мы знаем, что из близких у него есть только старенькая мама. Мы знаем, что долгие годы его единственной мечтой было приобрести свой сетар. Почему же герой так тесно связан с вещью?

Причина в том, что он музыкант, что нечего не существует для него в мире помимо его музыки. Он живёт в мире двух извлекаемых им из его инструмента. Игра на сетаре единственная его радость, единственная его любовь, но не потому что ограниченный человек, а лишь потому, что он видит в музыке не что большее, чем видят другие. Он играет на заказ, чтобы выжить, получить средства к существованию. Но хочет он играть ту музыку, которая заставляет плакать его самого и даже выживание не является для него определяющее важным. Ниже приводим пересказ сюжета рассказа:

Он играл на заказ, в основном, для того, чтобы приобрести свой сетар, чтобы иметь возможность играть на нем для души. Он бросает в жизни все, что мешает ему играть. Глубина простого чувства радости от возможности наслаждаться своим дарованием воплощает в себе для этого человека весь мир. И вот его мечта сбывается. Теперь, по словам автора, другой мечты у него нет. Он идёт к мечети, садится на ступеньки и играет. А именно в этот момент разворачиваются события рассказа. Набожный торговец духами, торговавший рядом с мечетью, посчитал действия музыканта оскорбительными для Бога. В порыве праведного гнева он набрасывается на беззащитного юношу и разбивает сетар. В безмолвии с оледеневшей душой, музыкант смотрит на сломанный инструмент.

Говоря о стилистических особенностях повествования, нельзя не отметить, что в рассказе наблюдается характерные для иранской литературы 60-х годов смешение стилей, с одной стороны, очевидна романтическая тенденция в изображении героя, с другой стороны, реалистический подход к изо-

бражению событий. Хотя нужно отметить, что сильное влияние на характер отображения действительности произведения оказывают философско-религиозные воззрения автора. Можно предположить, на формирование эстетических воззрений автора влияет, с одной стороны, традиционная персидская литература с её могучей романтической традицией, с другой стороны, традиция русской классической литературы с её формирующимся реалистическим подходом изображения жизненных явлений [4, с. 88].

В рассказе затрагивается довольно широкий круг проблем: социальных, духовных, нравственных. Лежащая как бы на поверхности причина конфликта, отсутствие взаимопонимания между людьми рассматривается также критика крайних форм религиозного фанатизма. Однако автор поднимает также и иные вопросы: влияние судьбы на жизнь человека, место самого человека в этой жизни. Все те же вопросы стоят и перед читателями произведений Толстого, Чехова, а также, безусловно, других классиков [5, с. 45]. Однако, что связывает Джалаль-аль-Ахмад с двумя вышеупомянутыми авторами, так это ответы, которые приходят на ум, когда вдумываешься в смысл произведения. Есть также ещё одна очень важная черта творчества авторов, которая их объединяет: это то, что они ни столько дают ответы сколько ставят вопросы, предлагая людям самим задуматься и попытаться понять. В данной статье мы не ставим своей целью поиск прямых реминисценций в творчестве иранских писателей из творчества российских. Мы пытаемся очертить круг вопросов, интересующих русских классиков и иранских писателей и сопоставить предлагаемые ответы.

Джалаль-аль-Ахмад сам называл А.П. Чехова «Учителем» и был знаком с произведениями Чехова, Толстого. Суммируя вышесказанное, хотелось бы отметить, что выявленные нами сходства, могут быть вызваны как частичными несоответствиями моделей мировосприятия автора, так и влиянием, оказываемым произведениями русской классики на иранского читателя, хотя имеет место, как нам кажется, и то и другое.

В результате анализа текстов произведений иранского автора можно сделать вывод о том, что очевидное сходство в выборе тематики, манере изображения, определённое сходство стилистического характера вызваны как близостью эстетических и нравственных позиций автора так и влиянием, оказанным на творчестве Джалаль-аль-Ахмада произведениям Чехова, и Толстого. Различия же вызваны отличиями культурных традиций России и Ирана, особенностями исторического развития иранской и российской литературной традиций. Подробное рассмотрение, как сходств, так и различий в произведениях русских и иранских авторов могло бы стать темой отдельной работы.

Приложение № 1 **Перевод «Китайская ваза»**

Полный пассажиров автобус тронулся с места. Вошедший последний пассажир держал в руках антикварную дорогую китайскую вазу и осторожно, стараясь сохранять равновесие, продвигался в заднюю часть автобуса. Люди на задней площадке потеснились и не без труда нашли место еще для одного пассажира.

Мужчине было сорок с небольшим, на нем было приличного вида пальто и новая чистая шляпа. На руку, в которой он держал китайскую вазу, была надета новая кожаная перчатка. На заднем кресле автобуса помимо него сидело еще четверо: две женщины в темных накидках, разговаривающих между собой, и двое мужчин, первый был сурового вида старик, погружен в свои мысли, второй – неопрятный беспечный пожилой мужчина, не носящий ни бабочку, ни галстук. Рукава его рубашки с оторванными пуговицами торчали из-за обшлагів пиджака. Его волосы вылезали из-под ветхой шляпы. Все его лицо от бороды до глаз было усеяно веснушками.

Как только вновь вошедший мужчина с вазой в руках уселся рядом с ним, все его внимание сосредоточилось на вазе, и он больше не отводил от нее глаз. Владелец вазы спокойно сидел, положив вазу на колени и придерживая ее одной рукой за ножку. Другой рукой, на которой не было перчатки, он играл несколькими мелкими монетами.

Тот же, чье внимание целиком было приковано к вазе, совсем потерял покой. Он поднимал и опускал голову, изгибался и хотел во что бы то ни стало как можно лучше рассмотреть изящную и прекрасную вещицу. Словно бы впервые в жизни он столкнулся с прекрасным или даже нет, казалось, впервые в жизни он осознал, что такое красота.

Китайка действительно было изящной. На ее тонких ручках великолепный рисунок был нанесен таким образом, что, если смотреть на них под определенным углом, их трудно было разглядеть на фоне вазы. Ваза была настолько тонкой и изящной, что луч, проникающий сквозь автобусное стекло, преломляясь через ее стенки, отбрасывал дрожащие тени на кожаную перчатку владельца. Странно одетый пассажир тщательно разглядел все детали вазы с ближней стороны, но он этим не был удовлетворен.

Используя каждый поворот автобуса, когда все пассажиры наталкивались друг на друга, он старался приблизиться к хозяину вазы, чтобы по возможности разглядеть вазу со всех сторон.

Несмотря на огромные усилия, он так и не удовлетворил свое любопытство. В конце концов, после того, как ему несколько раз пришлось поспешно выпрямляться, когда хозяин вазы обращал на него свое беспокойство, он сказал:

– Простите, господин, могу я посмотреть Вашу вазу?

– Конечно, пожалуйста. Милости прошу, дорогой.

И двумя руками, соблюдая предосторожности, хозяин передал вазу беспокойному спутнику.

– Только прошу Вас...

Но тот, другой, не дал ему закончить и, прервав, сказал:

– Хорошо, разумеется. Будьте уверены. Со всей осторожностью!

И принялся разглядывать вазу сзади, спереди, сверху и снизу, и даже изнутри. Все это время глаза хозяина вазы, не отрываясь, следили за его руками. Он изо всех сил старался продемонстрировать свое безразличие. Глядя прямо перед собой, он пытался прочесть надпись ресторана, выбитую на бронзовой пластинке, закрепленную над головой водителя. Но все это время боковым зрением следил за вазой и движениями рук своего соседа. Сосед же был занят всесторонним изучением деталей вазы. Держа ее одной рукой, он прикладывал другую к стеклу и изучал разноцветные блики на своих руках, а также тени, отбрасываемые его пальцами, погруженными внутрь вазы. Он поворачивал ее, любясь игрой солнечных лучей, падающих на вазу сквозь автобусное стекло и...

При очередном повороте, когда автобус накренился и не имевшие точки опоры люди навалились друг на друга, он тоже наклонился, сильно наклонился и так как ему не за что было держаться, не на что было опереться, чтобы сохранить равновесие, он непроизвольно выпустил вазу из рук...

Ваза упала и издав звук, похожий на жалобный стон, разбилась. Автобус еще не успел выровняться, как раздался стон владельца вазы:

– Ох!

Его спутник молча продолжал с прежним усердием разглядывать осколки. Сидевший напротив мужчина нагнулся и, собрав осколки вазы, сказал, обращаясь к ее владельцу:

– Ничего, бывает, не расстраивайтесь.

Владелец вазы, придя в себя от первого потрясения, покраснел, как гранат, нервно прокричал:

– Не желаете ли еще чего-нибудь?

– Ничего, господин. Ваза разбилась, так тому и быть. На вас воля Божья.

– Ах ты, ничтожный человечиска!

– Господин, сохраняйте спокойствие, не стоит сквернословить.

– Услышал скверные слова?! Может, ты не видишь, глаза-то у тебя зрячие?

Другие пассажиры понемногу заинтересовались происходящим. Одна из сидящих женщин с грустью на лице сказала:

– Ох, какая красивая была ваза! Пропала теперь. Но тот господин верно сказал: «На все воля Божья».

Владелец вазы не дал ей договорить.

– Что ты говоришь?! Я заплатил 75000 туманов!

Сидящий напротив добавил:

– Ну, что теперь поделаешь!

В этот момент подала голос и другая женщина:

– Что ж, руки у тебя отсохли что ли?

Винючник происшествия даже не взглянув на нее, ответил:

– С тобой, женщина, вообще никто не разговаривает. Не вмешивайся!

– Ох-ох, какой грубиян!

Хозяин вазы, окончательно собравшись с мыслями, снял перчатку и, собрав осколки вазы, прокричал:

– Пусть нас рассудят! Мы ведь не в лесу живем. Сейчас, когда ваза разбита, каждый может сказать, какова воля Божья. Ты, человечиска, легко отделаться хочешь. Верни мне деньги! Я купил вазу – ты разбил. Люди видели. И что тебе за дело было до старинной вещи? Что ты в этом понимаешь?! А я-то, глупец, зачем тебе ее доверил?

И когда автобус достиг ближайшей остановки, добавил:

– Господа, постойте, тут рядом полицейский участок. Я обращусь туда. Подождите, пожалуйста, пока я вернусь с полицейским, чтобы он мог опросить свидетелей.

Едва дойдя до двери, мужчина повернулся лицом к пассажирам, повторил свою просьбу и вышел, взяв с шофера слово, что автобус не тронется с места. Водитель пообещал. Пассажиры переговаривались между собой, обсуждая происшествие. Двое или трое лишь посмеивались. Женщины по-прежнему болтали, виновник происшествия рассеяно разговаривал сам с собой:

– Что тут поделаешь? Я ведь не нарочно. Упала – и разбилась.

Помощник водителя крикнул, пассажиры притихли. Владелец вазы отошел от автобуса лишь на 20 шагов. Водитель, пару минут просидевший в задумчивости, взялся за руль, позвал помощника и, нажав педаль газа, тронулся в путь. На лицах пассажиров застыло изумление. Помощник водителя как бы в ответ сказал, усаживаясь на свое место:

– Нам-то что? Еще кто-нибудь вазу разобьет, в нам безработица?

Владелец вазы, торопливо шедший в сторону полицейского участка, застыл на месте. Повернулся, поднял руки, пытаясь остановить автобус, но автобус, резко свернув и издав рычащий звук, умчался вдаль.

– Стой! Стой! Ваза!.. Шофер проклятый!..

Увидя его в таком положении, пассажиры рассмеялись. Подбежавшие полицейские пытались выяснить, что произошло, но он продолжал повторять:

– Стой! Водитель проклятый... 75000 туманов... Китайская ваза... Уехал! Номер автобуса... Какой номер?

Приложение № 2

Перевод «Сетар»

Ничего больше не желая, он шел с открытым воротом и с новой, без чехла, сетаров руке он поспешно спустился вниз по ступеням шахской мечети и

через множество ларьков с безделушками, через людей, которые, заслонив витрины, высматривали, сами не зная что, с трудом продвигался вперед.

Прижав сетар к животу, другой рукой он придерживал струны, чтобы прохожие ненароком не задели их пуговицами или носильщики не порвали их своей ношей. Наконец-то сегодня он смог осуществить свою мечту. У него было другого желания в то время, как он шел на собрание, кроме как вновь взять напрокат сетару у других людей, в очередной раз оказавшись у них в долгу.

Его волосы были взлохмачены и падали на лоб, прямо на правый глаз, его щеки впали, а лицо пожелтело. На обуви не было шнурков, но он бежал от радости и восторга. Когда проводились собрания, он веселил людей, пел песни, играл на сетаре, и его радость и счастье всегда передавались людям. Но сейчас среди толпившегося здесь народа, что он мог сделать, чтобы быстрее добраться до места? Он бежал от счастья и думал о сетаре, которая с этого момента стала его собственностью.

Он думал о том, что теперь, когда у него будет хорошее настроение, он, не сдерживаясь более, свободным ударом по струнам познакомится с инструментом, и его сердце не испытает чувство страха, что не дай Бог, он порвет струны и хозяин сетара ясным днем омрачит его сильнее темной ночи. От этой мысли он успокоился. И подумал, что спустя некоторое время он продемонстрирует свой талант, сетар поможет ему восстановить справедливость, преодолеть беспокойство и, не зная печали, будет безвольно плакать. Он не знал, почему он плачет, когда играет, но в душе надеялся, что это от того, что он так хорошо играет, что способен заставить себя плакать. Должно быть только тогда хорошо играл, когда звуки, извлекаемые из сетара, заставляли его плакать. До сих пор он не мог играть так, как ему хотелось. Приходилось играть для других, для людей, утративших радость и искавших спасения в звуках его сетара и плативших ему за что деньги. Все эти ночи, проводимые в увеселительных заведениях, где он пел и играл для веселой компании, и это пение доставляло ему лишь беспокойство и утомляло его. Все эти ночи он не мог заставлять себя плакать игрой на сетаре. Не мог так играть на сетаре, чтобы хотелось плакать. Окружение было не подходящим. Люди, которые платили ему деньги и приглашали его, не хотели разделять его слез, да и сам он, боясь порвать струны, очень мягко и с предосторожностями, осторожнее, чем мог, водил медиатором по струнам. Это тоже было необходимо. Ему хотелось больше не осторожничать во время игры. Теперь, когда он смог на свои деньги, не спрашивая ничего разрешения купить инструмент, мечта его сбылась. Теперь у него был свой сетар. Теперь он мог играть так, как душе его было угодно. Теперь он мог играть так, чтобы ему хотелось плакать. Он играл на сетаре уже три года, именно поэтому он бросил школу. Сидя в классе, он постоянно напевал что-то про себя. Окружающие не придавали этому значение, это не беспокоило никого, кроме учителя, который, по его мнению, был слишком строг. И настолько не любил его привычку напевать, что просто выходил из себя, выгонял его из класса. Три или четыре раза он обещал не напевать в классе, но разве это было возможно?! В последний год его учебы никто больше не слышал в классе его напевов, он настолько уставал, настолько много играл по ночам, что потом либо спал до вечера в своей постели, либо спал в классе. Но эта история тоже длилась не долго. И вскоре он бросил школу.

В первый год он слишком себя утомлял, играл и пел каждую ночь, а потом каждый день спал до обеда. Но потом он понемногу упорядочил свою работу и в неделю принимал лишь два-три ночных приглашения. Понемногу он стал известен и у него отпала необходимость выступать вместе с той или иной музыкальной группой. Люди узнали его. Работа очень истощала его. Его мама переживала за то, что он слабеет день ото дня. Сам же он не обращал на это внимание и думал лишь о том, что когда-нибудь у него будет свой се-

тар, и он сможет играть собственным манером, играть так, как угодно его душе. Это было не так-то легко. Ведь после той богатой свадьбы, когда ему перепал изрядный куш, он смог отложить достаточно денег, чтобы купить новый сетар. Теперь, когда стал наконец-то его владельцем, другой мечты у него не было. Нет, наверное, у него были еще мечты, просто он об этом пока не думал. Сейчас же все его мысли были лишь о том, чтобы поскорее достичь места, взять в руки сетар и приняться за настройку. Даже тогда, когда он играл в увеселительных заведениях, он готов был играть, не прерываясь, но разве тогда это было возможно! Он был в чужом доме и должен был лишь развлекать публику. Тогда он не мог радовать свое сердце. Долгими зимними ночами, когда он возвращался с подобных собраний, до смерти уставший его поддерживала мечта, возможно, без нее он не смог бы найти дорогу домой темной ночью, не смог бы дойти. Он был очень слаб, но радость сегодняшнего дня придавала ему сил, убирала бледность с его лица, горячила его лоб. В таком состоянии духа он приближался к входу в мечеть шаха. Он уже был у порога, когда мальчишка, торговец духами, который торговал в лавке этой мечети, молился в ожидании своих клиентов. Он вдруг неожиданно выскочил из-за своих тюков и схватил музыканта за рукав:

– Неверный! Неверный в мечети, в доме Бога!

Нить его мыслей прервалась тепло, которое согревало его сердце, растворилось. Вначале он смутился, но понемногу понял, что говорит мальчишка. Никто еще не обратил на них внимания. Народу было немного. Торговцы были заняты раскладыванием товара. Музыкант ничего не ответил, постарался освободить свой рукав пройти дальше, но торговец духами не отставал, держал его за рукав и продолжал осыпать проклятиями и кричать:

– Несчастный без веры, Бога не стыдишься! Ох, бессовестный!

Музыкант еще раз попытался освободить рукав и пойти по своим делам, но мальчишку такой оборот дела не устраивал. Понемногу народ стал интересоваться происходящим и собираться вокруг. Но никто пока еще не мог понять, что происходит. Все это очень задержало музыканта. Но охвативший было его сердце холод исчез. Кровь ударила ему в сердце, потом в голову, он взбесился и свободной рукой ударил мальчишку по уху. Мальчишка затаил дыхание, проглотив свои проклятия и ругательства, он отпустил рукав и обхватил рукавом свое лицо. Но лишь на мгновение. Владелец сетара едва вошел в мечеть, когда мальчишка вновь схватил его за рукав и вновь начал ругаться и призывать на помощь правоверных. Никто не понял, что случилось, да и сам музыкант толком не понял, только вдруг его сетар упал и, издав короткий и пронзительный звук, раскололся. Мальчишка, вполне удовлетворенный тем, что исполнил долг веры, успокоился. Поблагодарил в сердце своего Бога и вернулся к своим тюкам.

Все его мысли были спутаны и разболтаны, подобно струнам сетара. Он погружался в холод, который пробрался в его сердце, в его мозг. Леденящий звук стоял у него в ушах. Чаша его надежды разбилась, подобно новому сетару и вслед за ней разбилось его сердце.

Список литературы

1. Аль-Ахмад Дж. Китайская ваза / Дж. Аль-Ахмад. – Тегеран: Гутенбрг, 1948. Пересказ рассказа.
2. Аль-Ахмад Дж. По воспоминаниям из прошлого / Дж. Аль-Ахмад. – Тегеран: Гатре, 1943. – 110 с.
3. Аль-Ахмад Дж. Сетар / Дж. Аль-Ахмад. – Тегеран: Гутенбрг, 1998. Пересказ рассказа.
4. Аль-Ахмад Дж. Чехов: короткие рассказы / Дж. Аль-Ахмад. – Тегеран: Зелёная книга, 1999. – 88 с.

5. Гази Махмуд Эскиз одного рассказа / М. Гази. – Тегеран: Шахрзад, 1947. – 45 с.
6. Русская свободная энциклопедия www.википедия.22.05.2015 г.

References

1. Al-Ahmad Jalal (1948) *Chinese vase*. Pub. «Gutenberg»
2. Al-Ahmad Jalal (1943) *According to the memoirs of the past*. Pub. «Ghatre»
3. Al-Ahmad Jalal (1998) *Setar*. Pub. «Gutenberg»
4. Al-Ahmad Jalal (1999) *Chekhov: short stories*. Pub. «Shahrzad»
5. Ghazi Mahmood (1947) *Sketch of the story*. Pub. «Shahrzad»
6. [www. Wikipedia](http://www.Wikipedia), the free Russian encyclopediya. 22.05.2015.

РУССКАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Булычева Вера Павловна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: nauka.bvp@mail.ru.

Первая половина XX века, богатая на бурные исторические события сыграла свою роль в становлении и развитии приключенческой литературы, отразив в массовом сознании советского человека целой эпохи, своего приключенческого героя – авантюриста, «героя времени», проявившегося в научно-фантастическом, историко-авантюрном и детективном жанрах.

Ключевые слова: герой, приключение, жанр, история, детектив, фантастика

RUSSIAN ADVENTURE LITERATURE OF THE FIRST PART OF THE XX CENTURY IN COMPARATIVE HISTORIC ASPECT

Bulycheva Vera P., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishev st., e-mail: nauka.bvp@mail.ru.

The first part of twentieth century is rich by great history events. It played its role in becoming and development of adventure literature and reflected in mass consciousness of a soviet man its own adventure character – an adventurer, «the hero of the time», who appeared in scientific and fantastic, historic and adventure and detective genre.

Keywords: character, adventure, genre, history, a detective story, fantasy

Понятие «приключенческая литература» многозначно вследствие различных трансформаций, происходивших в жанровой системе данного вида литературы. Формирование подвидов приключенческой литературы – научная фантастика, детективная литература, авантюрно-приключенческие, исторические приключенческие произведения, приключенческая сказка – в современном литературоведении рассматривается в рамках художественной литературы, «основным содержанием которой является увлекательный, захватывающий рассказ о реальных или вымышленных событиях» [5, с. 752].

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» М. Бахтин доказывает, что уже в античности утвердились гибкие способы художественного освоения времени («авантюрное время») и пространства, которые «определили развитие всего авантюрного романа до середины XVIII века» [1, с. 236]. Эти способы оказываются определяющими и для литературы, которую в настоящее время принято называть приключенческой.